

Герман Андреев.
О сатире Зиновьева⁴

Когда я думаю о русской сатире, меня поражают некоторые общие с мировой сатирой образные системы. Возникает такое чувство, что все мировые сатирики собирались в какой-то

⁴ «Одна или две русских литературы?» Международный симпозиум в Женеве, 13-15.04.78. Изд-во L'Age de d'Homme, 1978.

лаборатории и говорили друг другу: вот, у меня есть хороший гротескный образ, возьми, используй! В фольклористике есть две теории — о взаимовлиянии и о самозарождении сюжетов. Я думаю, что эти общие черты — в деталях, в методе, в приемах парадокса, аллегии и других — вырастают из аналогичных систем, а не в результате взаимовоздействия. Я покажу это на примере Зиновьева.

В «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина есть градоначальник Иванов, который «был столь малого роста, что лопнул» вследствие своего природного недостатка. В сатире Зиновьева изображен один из Заведунов, который вывихнул себе челюсть, когда в своей речи должен был произнести слишком сложное слово. Какие-то злодеи-консультанты, чтобы довести его до инфаркта, подбросили ему в доклад слово «дезоксирибонуклеиновая кислота» — и он вывихнул челюсть. Это не от Иванова идет, это идет от реального исторического лица, какого — мы все знаем. Есть у Оруэлла в «Скотном дворе» хряк Наполеон. Хряк появляется и в сатире Зиновьева, но предок этого хряка не оруэлловский, а реальное лицо, которое тоже называлось в просторечии «Хряк». Возьмите логические структуры, структуры иронической перестройки фразы. У Зиновьева сказано: «Обществоведы Ибанска сначала совсем не ездили за границу. А потом стали ездить еще реже.» Это есть уже у Гоголя: «Чиновники города Н. очень много читали. Одни читали Карамзина, другие «Московские ведомости», а третьи даже и вообще ничего не читали». Поразительные совпадения! Им нет числа. У Синявского в повести «Ты и я» есть око, которое за всеми наблюдает. Это же око есть у Оруэлла, в сатире «1984-й». Я думаю, что это из каких-то общих наблюдений. Очень интересен образ человека, который разделен на свою физиологическую сущность и свою манеру говорить. Органчик у Салтыкова-Щедрина произносил только два слова: «разорю» и «запорю». Потом что-то испортилось, и ему пришлось отвинчивать голову, а часовщик Байбаков должен был эту голову чинить. У Зиновьева есть точно такая же ситуация, только поднятая на более высокий научно-технический уровень: за Заведунов все делают роботы. А ведь это не литературный прием, это действительный факт. Примерно то же есть в «Чонкине». Когда началась война, Кикин, секретарь парткома колхоза, вышел и начал автоматически говорить: «Ответим ударом на удар! Ответим героическим трудом! Все отомобилизуемся!» И Войнович пишет, что язык этого секретаря парторганизации был каким-то членом, совершенно отделенным от его сущности. Зиновьевская сатира, если задуматься, — чисто народное, фольклорное произведение. Она вся — на анекдотах, а анекдот — новая форма бытования современного русского фольклора.

Мы находим у Зиновьева и некоторые свифтовские моменты. У Свифта была борьба острокопечников и тупоконечников. У Зиновьева тоже есть такая борьба. Я вам прочитаю отрывок. «Во времена Хозяина был установлен единый общеибанский стандарт штанов. Левые же уклонисты хотели сделать штаны шире в поясе, а мотню спереди опустить до пят. Они рассчитывали построить полный изм в ближайшие полгода и накормить изголодавшихся трудящихся до отвала. Своевременно выступил Хозяин и поправил их. «Лэвыи укланысты, — сказал он, — савыршылы тыпычную ашибку. Аны атарвалысь ат масс и забыжалы впэред». Левых уклонистов ликвидировали правые уклонисты. Те, напротив, хотели расширить штаны в коленках и ликвидировать ширинку. Они не верили в творческие потенции масс и все надежды возлагали на буржуазию. Опять своевременно выступил Хозяин и поправил их. «Правыйи укланысты, — сказал он, — савыршылы тыпычную ашибку. Аны атарвалысь ат масс и забыжалы назад». Правых уклонистов ликвидировали левые. Это свифтовский гротеск. Но Зиновьев показывает, что то, что нормальному сознанию кажется парадоксом, в условиях системы антимира — не парадокс. Это естественная форма бытования и мышления антимира. Примерно так же человек в безвоздушном пространстве знает, что он находится в каком-то неестественном положении, но он признает эту реальность, хотя в условиях земного тяготения этой реальности не существует. Зиновьев — одновременно человек Ибанска и человек иного мира, иных точек

отсчета, и парадокс у Зиновьева построен именно на этом. Например, когда он пишет: «Ученый написал бесполезную, но нужную книгу». Или еще: «Когда враги нас хвалят, это очень плохо. И советские обществоведы, выезжая за границу, делали все возможное, чтобы враги их не хвалили. И преуспели в этом». Это не прием сатиры, это советская реальность. Или: идет борьба за преодоление различия между городом и деревней, в результате этого вся деревня бежала в город и встала в очередь за такими промышленными товарами, как масло, килька и так далее. Было бы конструктивно для исследования рассмотреть эти две линии — линию, идущую от сатирической традиции, и линию, идущую от конкретного опыта жителя тоталитарной ибанской системы.

Когда писалась книга о поразительных приключениях Чмотанова, я не думаю, что автор, Николай Боков, читал Зиновьева. Но поразительная, чисто зиновьевская фраза: когда исчезла мумия Ленина, то одному актеру предложили сыграть неживой образ вечно живого Ильича. Я думаю, что когда-то будут написаны очерки зиновьевского периода русской сатиры, потому что, на мой взгляд, эта сатира вобрала в себя общие сатирические элементы, бытующие всюду.

Гегель как-то сказал: «Силой субъективных выдумок, молниеносных мыслей, поразительных способов трактовки стремится разложить все то, что хочет сделаться объективным и приобрести прочный образ действительности». Русская сатира все время доказывает алогичность этой логичной в себе алогичной системы. Делает это и Зиновьев. Он противопоставляет строгой алогичности Ибанска логичность нормального человеческого сознания. Логика — важнейший момент у Зиновьева. Но логика ведет к религии. Диалектика, или, как говорит Зиновьев, дуболектика, или дяволектика, дяволектический социзм ведет к разрушению каких-то устойчивых нравственных понятий. Свобода есть рабство. Зиновьев пишет, что свобода есть не необходимость, а обходимость. А уж какая — осознанная или неосознанная — черт ее знает. Лучше, чтобы неосознанная, потому что лучше, если начальство не пронюхает, что, убаяв в самоволку, мы можем обойти начальство и хоть немного побудем на свободе. Анекдот переосмыслиет затверженную формулу и вмещает все реальные формы логики. И реальные формы логики приводят Зиновьева к религиозным выводам. Он говорит: настоящая мораль всегда неофициальна. Она всегда одна. Она либо есть, либо ее нет. То есть он не говорит, как говорят диалектики: есть одновременно и «да» и «нет». Он говорит, как Христос: да-да, нет-нет, остальное от лукавого. И дальше о морали: она не имеет никаких основ, кроме решения отдельных индивидов быть моральными. Она тривиальна по содержанию, но невероятно трудна в исполнении: не доноси, держи слово, борись за правду, не хватай хлеб первым, не перекладывай на других то, что можешь сделать сам, живи так, как будто всегда и всем виден каждый твой шаг. Поразительно, что логика приводит Зиновьева к христианским истокам, к принципам «Нагорной проповеди». Я уже не говорю о том, что у Зиновьева есть все время обращение к религии как способу и пути спасения. Логика, религия, гласность с его точки зрения тесно взаимосвязаны.